

Дирижер Арнольд Кац: «Каждый из нас незаменим!»

МУЗЫКА В НОВОСИБИРСКЕ

Независимая газета. — 2000. — 27 мая. — с. 7

Юрий Тригубович

СВОЮ деятельность в нынешнем году главный дирижер Новосибирского академического симфонического оркестра Арнольд Кац начал в дни празднования Победы в Великой Отечественной войне, дав с оркестром несколько концертов в Новосибирске.

— Арнольд Михайлович, в столице распространяются слухи, что вы уходите...

— До Москвы дошло? Для меня это новость. Если бы я хотел уйти, это случилось бы значительно раньше. Кто же от хорошего бежит? Я создал оркестр своими трудами, потом и кровью, и сейчас бессмысленно стремиться к чему-то другому. У нас появилось много людей, мечтающих об эмиграции. Но насколько мне известно, там хорошо живут только единицы. Моя долголетняя работа с западными оркестрами убеждает в том, что если ты хочешь быть исполнителем и создателем, то лучше делать это у себя на Родине. Чем работать на Западе в среднем оркестре или даже в хорошем оркестре — лучше создать свой, что я и сделал.

— Чем вы собираетесь пополнять репертуар оркестра к следующему сезону?

— Программа, которая пойдет в начале сезона, мне кажется привлекательной. Мы отмечаем 60-летний юбилей ленинградского композитора Андрея Петрова его пьесой «Мастер и Маргарита». Это произведение не так часто звучит. Совсем уже забытое имя, чрезвычайно редко звучащее на нашей эстраде, — русский композитор Метнер. Мы репетируем его концерт № 2. К 10-летию объединения Германии мы решили исполнить Девятую симфонию Бетховена. Также оркестр будет играть «Реквием» Уэббера. Представляет интерес Концерт с виолончелью Шумана в оркестровке Дмитрия Шостаковича. Мы стараемся по возможности исполнять произведения композиторов, чьи пьесы редко звучат или вообще не звучат с большой эстрады. Например, одного из любимых учеников Шостаковича, Вайнберга, его концерт для скрипки с оркестром. Третья симфония Шумана, а также сюита Мендельсона «Сон в летнюю ночь».

Если в Москве есть множество плохих и хороших оркестров, которые играют много разных сочинений, то наш оркестр в Новосибирске один, не считая юношеского и оркестра оперного театра. Мы всегда стремились сочетать политику в постижении нового репертуара и запросы и интересы слушателей, умело подводя их к тем произведениям, которые мы хотим исполнять. Наш репертуар чрезвычайно велик. И полные залы. Может быть, нам и повезло, что такой оркестр единственный в Новосибирске.

— Вы как-то сказали, что Новосибирская филармония вас раздражает. Что вы имели в виду?

— Я ее «терпеть» не могу. Хотя это не совсем так. Одно из достижений оркестра — это его некоторая независимость от филармонии, в первую очередь, в художественном плане. Когда эта дан-

ность, существующая уже несколько лет, кем-то нарушается, я реагирую весьма остро, что недавно и произошло в связи с появлением новой дирекции. А вообще мы живем очень мирно.

— Материальное положение оркестра для вас важная вещь?

— Важная. Благодаря серьезным усилиям, материально мне удалось Новосибирский академический симфонический оркестр «выделить». В масштабе страны это небольшие ставки, но они заметно отличаются от всех российских оркестров, за исключением, может быть, Российского национального оркестра, который является единственным частным оркестром в отечестве. Наш концертмейстер получает четыре тысячи рублей в месяц. Самая маленькая зарплата 2700 — у молодых музыкантов. Если сравнить с лучшими оркестрами России, то это, безусловно, победа.

В наших условиях работа главного дирижера резко отличается от работы западных главных дирижеров. Там они могут без ущерба заниматься творчеством. Высокое материальное положение, иногда даже незаслуженное, высвобождает для этого достаточно времени. Мы вынуждены заниматься финансовой сторо-

Однако же его нежелание реально смотреть на ситуацию, в которую поставлен коллектив Новосибирского оперного, нежелание идти на компромиссы привели к тому, что конфликт перерос все возможные рамки. Людмиллин вынужден был уйти. Вернее, «его ушли». Дирекция в этом смысле проявила, на мой взгляд, достаточно терпение; приказ об увольнении был вынужденным. Мне очень жаль в этом случае и Новосибирский оперный театр. В нашей области каждый незаменим.

— Когда вам легче работало: в советские или нынешние времена?

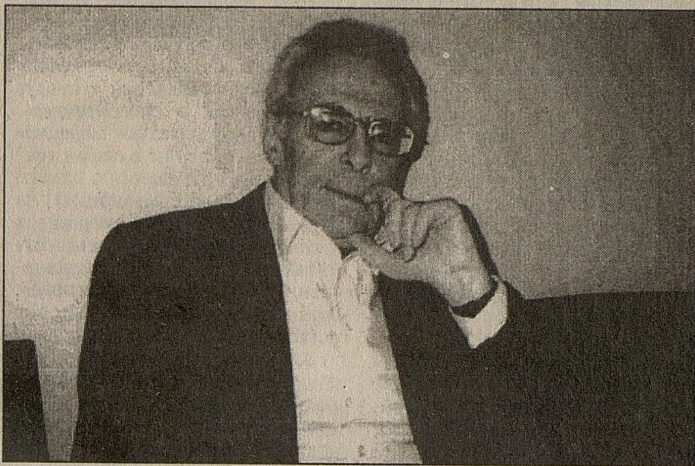
— Никогда. Жизнь — борьба. Борьба внешняя и борьба с самим собой.

— Если бы вы работали на Западе, вы были бы состоятельным человеком...

— Богатство вещь относительная. Должен вам сказать, что и Запад в этом смысле неоднороден. И что значит — быть богатым человеком? Откуда у вас сведения, что я беден? Я чувствую себя богатым, потому что со мной люди, которых я люблю и ненавижу.

— Говорят, вы не любите вспоминать о войне?

— Я о войне не забываю. В СССР нет семьи, которой бы не коснулось крыло войны. В нашей

Мастро Арнольд Кац.
Фото автора

ной вопроса. И те главные дирижеры, что не участвуют в повседневной жизни своих музыкантов, не помогают им, не стремятся создать им максимально благоприятные условия, вынуждены конфликтовать. В конечном итоге такие руководители терпят поражение.

— Как Алексей Людмиллин из Новосибирского театра оперы и балета?..

— Я так и знал, что без этого вопроса не обойдется. Конфликт в оперном театре... Вы лучше спросите о конфликте Государственного оркестра со Светлановым, одним из самых лучших дирижеров XX столетия. Печально, что мастер был вынужден уйти из оркестра, который он возглавлял, кажется, 30 лет. И, к сожалению, Евгений Федорович не одинок. Нечто подобное случилось в нашем оперном театре — масштабы, конечно, несоизмеримы, но важен факт. Главный дирижер Людмиллин, каким бы он ни был, олицетворял современное музыкантское начало. Он вывел оперный оркестр на концертную эстраду. При нем оживились зарубежные поездки. Казалось бы, все, что он делает, правильно.

семье погибли два двоюродных брата. Мой отец провоевал всю войну, слава Богу, остался жив. Я также прошел через эти годы и не хочу вспоминать те ужасы, ту безысходность, трагизм ситуации, в которой ты, как песчинка, что-то такое делаешь и ничего изменить не можешь. Мне повезло. Хранил меня Господь. То, что я был на фронте и остался жив, хотя к этому не было никаких дополнительных предпосылок — ни отсрочек, ни знакомств, — сформировало мой характер.

Оркестр — это моя жизнь. Я, кроме музыки в своей жизни, ничего не умел и не умею делать. Другой вопрос, какими путями я этого добивался? Если бы я не трудился всю свою жизнь, а жаловался на то, что меня обижают, не замечают и дискриминируют, то, наверное, из меня ничего бы не вышло. В то время, когда меня не замечали, когда меня третировали, а такое было в моей жизни и продолжает иногда быть, я концентрируюсь на самом главном. Вот, вы мне мешаете, господа хорошие, а я в ответ буду еще лучше дирижировать и глубже заниматься творчеством.

Новосибирск